

DOI: 10.31696/S086919080037663-6

УСКОЛЬЗАЮЩИЙ ЖЫЛ АЖЫРАШ: ВЫТЕСНЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО НОВОГО ГОДА НАВРУЗОМ В КЫРГЫЗСТАНЕ¹

© 2026

Н.А. ДУБОВА ^a, Т.К. КАДЫРБЕКОВА ^b, М.Г. НИКИФОРОВ ^c^{a, b} – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия^a – ORCID: 0000-0002-4340-1037; dubova_n@mail.ru^b – ORCID: 0000-0003-0615-0176; tolgonaitime0101@gmail.com^c – Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3106-5854; followup@mail.ru

Резюме: Трансформация традиционных праздников в Кыргызстане отражает глубинные этнокультурные процессы, обнажая механизмы замещения местных традиций. Данное исследование фокусируется на комплексе новогодних праздников, анализируя сосуществование и динамику исконного для кыргызов Жыл ажыраш и заимствованного Навруза – теме, недостаточно изученной в региональном разрезе. Актуальность подтверждается выявленными значительными территориальными различиями в бытовании этих традиций. Цель – выявить региональные особенности и проследить трансформацию праздничного комплекса в XX–XXI вв. Методология базируется на полевых материалах 2023–2024 гг.: 121 глубинное интервью по анкете из 38 вопросов, территория разделена на 9 зон с учетом географических и логистических особенностей горной местности. На основе исторических источников и полевых данных реконструированы характеристические профили: Жыл ажыраш (гибкий лунно-звездный календарь, привязка к фенологическим признакам, ритуальная каша кожо с мясом, связь со скотоводством) и Навруз (фиксированная дата равноденствия, ритуальное блюдо сумелек из пророщенной пшеницы, развитая общественная обрядность, аграрные черты). Анализ частотного распределения знаний позволил выделить четыре группы информантов и оценить степень сохранности Жыл ажыраш. Результаты демонстрируют неравномерное исчезновение исконной традиции: она лучше всего сохраняется в высокогорных скотоводческих зонах (Нарынская область, Алайская долина – до 60 % информантов), тогда как Навруз доминирует на аграрном юго-западе (Баткенская, Ошская, Джалал-Абадская области), где его часто воспринимают как заимствование от соседних народов. Основной вывод: в конкурентной динамике преимущество получает Навруз благодаря лучшей формализации – фиксированной дате, встроенной в государственный календарь, и четко регламентированным ритуалам. Эта особенность в сочетании с государственной поддержкой (официальный статус с 1991 г.), ослаблением автохтонных практик в советский период и историческими влияниями выступает ключевым фактором вытеснения вариативного и хуже формализованного Жыл ажыраш, маркируя смену культурных кодов и мировоззренческих ориентиров у оседающих кочевников.

Ключевые слова: кыргызы, традиционные праздники, Жыл ажыраш, Навруз, трансформация культуры, региональная специфика

Для цитирования: Дубова Н.А., Кадырбекова Т.К., Никифоров М.Г. Ускользящий жыл ажыраш: вытеснение традиционного нового года Наврузом в Кыргызстане. *Восток (Oriens)*. 2026. № 2. С. 223–235. DOI: 10.31696/S086919080037663-6

¹ Исследование выполнено по гранту РНФ № 22-28-00529-П «Реликты астрономических традиций в культуре древних земледельцев Средней Азии по этнографическим данным».

THE ELUSIVE ZHYL AZHYRASH: THE REPLACEMENT OF THE TRADITIONAL NEW YEAR BY NAVRUZ IN KYRGYZSTAN²

© 2026 Nadezhda A. DUBOVA ^a, Tolkunai K. KADYRBKOVA ^b, Michail G. NIKIFOROV ^c

^{a, b} – N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^a – ORCID: 0000-0002-4340-1037; dubova_n@mail.ru

^b – ORCID: 0000-0003-0615-0176; tolgonaitime0101@gmail.com

^c – Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3106-5854; followup@mail.ru

Abstract: *The transformation of traditional holidays in Kyrgyzstan reflects deep ethno-cultural processes, revealing the displacement of native traditions. This study focuses on the New Year festive complex, analyzing the coexistence of the Kyrgyz Zhyl Azhyrash and the borrowed Navruz – a regionally understudied topic. Its relevance is confirmed by significant territorial differences in their practice. The aim is to identify regional characteristics and trace the transformation of this complex in the 20th–21st centuries. The methodology is based on 2023–2024 field materials: 121 in-depth interviews across 9 zones. Based on historical sources and field data, characteristic profiles were reconstructed: Zhyl Azhyrash (flexible lunisolar calendar tied to phenological signs, ritual meat porridge *kojo*, connection to pastoralism) and Navruz (fixed equinox date, ritual dish *sumelek*, developed public rituals, agrarian features). Frequency analysis identified four informant groups and assessed Zhyl Azhyrash's preservation. Results show an uneven “slipping away” of the native tradition: it survives best in highland pastoral zones (Naryn region, Alai Valley – up to 60 % of informants), while Navruz dominates in the agrarian southwest (Batken, Osh, Jalal-Abad regions), often perceived as an adoption. The main conclusion: Navruz gains the advantage due to its superior formalization – a fixed date integrated into the state calendar and clearly regulated, easily reproducible rituals. This feature, combined with state support (since 1991), the decline of native practices during the Soviet era, and historical influences, acts as the key factor displacing the variable, less formalized Zhyl Azhyrash, marking a shift in cultural codes among a formerly nomadic population.*

Keywords: Kyrgyz, traditional festivals, Zhyl Azhyrash, Navruz, transformation of the culture, regional specificity

For citation: Dubova N.A., Kadyrbekova T.K., Nikiforov M.G. The Elusive Zhyl Azhyrash: The Replacement of the Traditional New Year by Navruz in Kyrgyzstan. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 2. Pp. 223–235. DOI: 10.31696/S086919080037663-6

Народные праздники и календарные обряды представляют собой неотъемлемую часть культурного наследия любого этноса, служа зеркалом его истории, ценностей и картины мира. Они выступают важным маркером культурной идентичности, но при этом не являются статичной системой. Праздничная культура постоянно эволюционирует под воздействием как внутренних социальных процессов, так и внешних влияний. Для кыргызского народа XX–XXI вв. стали периодом кардинальных перемен, начиная с вхождения в состав Российской империи и, особенно, в советский период (массовый переход к оседлости, социально-политические реформы), коренным образом изменивших традиционный уклад

²The study was supported by Russian Science Foundation (RSF), Grant Number: 22-18-00529-П “Relics of astronomical traditions in the culture of ancient agriculturalists of Central Asia according the ethnographic data”.

жизни. Особенно показательной в этом плане является трансформация комплекса новогодних праздников, где переплетаются исконные кочевнические традиции и заимствованные земледельческие практики.

Распад СССР и последующее национальное возрождение стимулировали интерес к досоветскому культурному наследию, включая праздники и обряды. Одновременно наблюдается усиление роли ислама, который по-новому взаимодействует с местными традициями, уходящими корнями, в том числе, и в доисламские верования [Абрамзон, 1990, с. 286]. Эти процессы непосредственно затрагивают и современное бытование новогодних празднеств в Кыргызстане, формируя сложную и динамичную картину.

Целью настоящей статьи является анализ региональных особенностей и трансформации комплекса новогодних праздников кыргызов *Жыл ажыраш* и *Навруз* в XX–XXI вв. Задачи исследования включают описание и сравнительный анализ традиций празднования Жыл ажыраш и Навруз на основе исторических источников и полевых данных; выявление и картографирование региональных различий в их бытовании и соотношении на современной территории Кыргызстана; оценку степени сохранности исконной традиции (Жыл ажыраш) и анализ факторов ее вытеснения или трансформации под влиянием Навруза и общих социокультурных изменений (советизация, исламизация, модернизация).

Следует уточнить, что под элементами традиционной культуры в рамках данного исследования понимаются те практики, которые бытовали в период, предшествующий масштабным советским трансформациям (ориентировочно вторая половина XIX – начало XX вв.), и сведения о которых возможно реконструировать на основе памяти информантов старшего поколения и их предков. Этот период уже характеризовался сложным переплетением исламских практик и сохранявшихся элементов доисламских верований.

Несмотря на наличие публикаций по культуре кыргызов, именно комплекс новогодних праздников, их дуализм и региональная специфика освещены фрагментарно. Зачастую описания либо лаконичны [*Народы Средней Азии и Казахстана*, 1963, с. 180–188], либо рассматривают Навруз в общем контексте религиозных или культурных практик [Баялиева, 1981, с. 11–13; Абрамзон, 1990]. Даже наиболее информативная сводка [Жапаров, Ибраев, 2016, с. 357–366] не ставит целью детальный анализ территориальной изменчивости соотношения Жыл ажыраш и Навруз.

Слабая изученность региональных особенностей и современных трансформаций именно новогодней обрядности определяет актуальность данной темы. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе сосуществования и динамики традиций Жыл ажыраш и Навруз на основе впервые собранных масштабных полевых материалов по всей территории Кыргызстана (2023–2024 гг.), позволяющих выявить четкие региональные особенности и оценить масштабы трансформационных процессов.

В качестве базовой программы исследования была составлена анкета из 38 вопросов, 13 из которых так или иначе связаны с праздниками и обрядами, включая вопросы, посвященные непосредственно Новому году (Навруз, Жыл ажыраш), и общие вопросы о праздничном календаре информанта. Если в процессе собеседования мы получали новые сведения, они фиксировались и могли использоваться как уточняющие в ходе дальнейших бесед. В результате проведенной работы были получены глубинные интервью со 121 информантом, которые являются эмпирической основой данного исследования. При выборе информантов мы в первую очередь ориентировались на людей старшего поколения, однако в выборке присутствуют люди среднего возраста, что позволяет сравнить знания в разных возрастных группах.

Территориально, все охваченные опросом районы Кыргызстана были разделены на 9 зон с учетом географических и логистических особенностей горной местности, где фактические расстояния и возможности сообщения часто не соответствуют прямой географи-

ческой близости. В большинстве случаев географическая зона совпадает с административной областью (Иссык-Кульская, Чуйская, Баткенская, Джалал-Абадская, Таласская). Нарынская и Ошская области были разделены на две зоны каждая с учетом внутренних долинных и высокогорных различий. Мы полагаем, что подобное детальное районирование позволит более точно проследить региональную вариацию именно новогодних праздничных традиций.

ПРАЗДНИК НОВОГО ГОДА

Одним из самых популярных праздников, присутствующих во всех культурах, является встреча Нового года, который связан с естественным природным циклом.

Рассмотрим источники разного времени, чтобы определить, как изменялось представление об этом празднике. В каждом из них название праздника Нового года записано в разных транскрипциях, которые мы сохранили как в оригинале.

Б.А. Куфтин пишет, что киргиз-казаки знали не один, а два Навруза³, которые отличались моментом начала. «Киргизы, ведущие счет по-арабски, Наврузом называют лишь первый день весны – первое число месяца Хамаль... Все киргиз-казаки начинают свой год с Навруза, приблизительно с половины февраля, причем празднуют новый год 15 Навруза, возможно, прежде в день полнолуния. Праздник Навруза собственно единственный постоянный не-мусульманский праздник у киргиз и соответствует древне-персидскому Навруз в день весеннего равноденствия, и конечно, из Персии был заимствован тюрками. В настоящее время киргизы отличают свой Навруз от персидского, называя последний карт-Навруз – древний Навруз» [Куфтин, 1916, с. 134].

Первый праздник – это «киргиз-казакский» Навруз, который начинается «с половины» февраля» и отмечался в начале марта. Если в качестве примера взять 14 февраля и прибавить 15 дней, то получим дату 1 марта. Однако Б.А. Куфтин использует даты юлианского календаря, что при добавлении 13 дней дает григорианские даты 27 февраля и 14 марта соответственно.

Необходимо попытаться разобраться, как получаются эти даты. Запись «15 Навруза» означает «15-й день месяца Навруз», а поскольку Б.А. Куфтин вполне логично предполагал, что эта запись сделана в рамках исламского лунного календаря, то 15 день означает дату полнолуния. Но тогда получается, что точка отсчета – первый день Навруза должна смещаться на 10 дней относительно дат григорианского календаря, а значит, дата Навруза должна изменяться год от года. Вероятно, автор, выражая сомнение в этой схеме определения даты Навруза, проявляет осторожность, делая оговорки «возможно» и «прежде». В то же время, отметим, что наш информант (Нар-2)⁴ убежденно утверждал, что начало нового года определяли с помощью Луны, однако он не смог сообщить, как это можно сделать.

В следующих рассуждениях Б.А. Куфтин, сравнивая традиции киргиз-казаков и некоторых народов Сибири, делает предположение, что первым месяцем нового года является месяц май, когда после периода невидимости восходит Уркур [Куфтин, 1916, с. 134–135]. В пересчете на григорианский стиль эта дата соответствует июню. Данная гипотеза может быть подтверждена тем, что киргизы использовали лунно-звездный календарь, в котором месяц определялся с помощью *тогоолов* (соединений Луны и Плеяд), а цикл отсчета тогоолов начинается в июне [Колганова, Никифоров, 2016; Дубова и др., 2024]. Вполне вероятно, что использование Луны для определения даты Навруза возникло из этой схемы.

³ В литературе этот праздник имеет различные формы написания: «Навруз», «Науруз», «Нооруз» и др. Для унификации обозначений мы будем использовать «Навруз», поскольку это наиболее близко к персидской форме «нав» – новый, «руз» – день.

⁴ Здесь и далее – условный номер информанта в соответствии с Приложением 1 в конце текста.

Второй праздник Нового года – это персидский карт-Навруз, которому соответствует дата равноденствия. Его отмечают точно таким же образом, как и в Бухаре – ходят большими группами из одного села в другое, готовят праздничный стол, устраивают игры и уличные представления.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что существовало два разных новогодних праздника, даты которых устанавливались разными методами. Первый праздник определялся по какому-то календарю, основанному на Луне (лунно-солнечный или лунно-звездный календарь), дата второго праздника фиксировалась с помощью равноденствий.

В фундаментальном исследовании культуры народов Средней Азии о празднике Нового года содержится гораздо меньше информации: «Более архаичные черты носил праздник встречи Нового года (Навруз или оруз дама), в котором в своеобразной форме переплелись черты среднеазиатского земледельческого праздника Навруза с остатками местных древних культов. Во время этого праздника, который приурочивался к концу февраля, готовили специальное блюдо – жидкую кашу из пшеницы (кожо). Разжигали костры, мужчины и дети прыгали через них, дымом от горящей арчи окуривали скот и детей» [*Народы Средней Азии и Казахстана*, 1963, с. 180].

Хотя по объему информации приведенная выдержка является очень лаконичной, ее сравнение с данными Б.А. Куфтина позволяет отметить интересные детали: 1) данное описание не разделяет праздник на два варианта, как это делал Куфтин, а представляет его как единое событие; 2) указанная дата (конец февраля) и ритуальное блюдо *кожо* сближают это описание с характеристиками более ранней традиции, отмеченной Куфтиным («киргиз-казакский Навруз»), хотя сами авторы книги «Народы Средней Азии и Казахстана» упоминают о переплетении черт земледельческого Навруза и местных культов; 3) на Навруз подавали особую кашу *кожо*, которая также упоминается в работе [Абрамзон, 1990, с. 204] и прыгали через костер.

О разжигании костров на Навруз, прыжках через огонь и окуривании помещений можжевельником (арчей) упоминается в работе К. Ысманова. Автор отмечает очистительные свойства арчи, которую специально заготавливали к празднику, обильно окуривали ею жилище, после чего покидали его [Ысманова, 2018, с. 411–412]. Эта ритуальная практика очищения находит параллель в современности: по нашим наблюдениям, окуривание можжевельником и сейчас широко распространено, часто сопровождает генеральную уборку дома и подготовку к праздникам, включая Навруз. Таким образом, использование арчи как символа очищения в контексте Навруза имеет глубокие корни и сохраняет свою актуальность.

Наконец, перечислим наиболее существенные для нашего исследования факты о Наврузе из современной работы, которая является наиболее информативной. «Календарное время, когда в круглогодичном природном цикле пришел день весеннего равноденствия, предки кыргызов обозначали также «жыл ажыраш»... Старшее поколение хорошо помнит, что этот праздник повсеместно отмечался до 1950-х, а позднее стал забываться... В конце 1980-х годов вновь стали отмечать Навруз, он был признан народным праздником указом президента страны в 1991 г.» [Жапаров, Ибраев, 2016, с. 357–358].

В приведенной цитате впервые появляется название *Жыл ажыраш*. Судя по характеристикам (связь с началом годового цикла, отличное от строгого равноденствия время), это название, вероятно, относится к той же ранней весенней традиции, которую Б.А. Куфтин зафиксировал как «киргиз-казакский Навруз». Однако здесь дата Навруза приходится не на конец февраля, а связана с равноденствием, как в случае с персидским Наврузом.

Также авторы отмечают характерные атрибуты этого праздника: люди наводили порядок у себя дома, ремонтировали постройки, надевали новые одежды, собирались вокруг

костра, прыгали через огонь, веря в его очистительную силу, готовили праздничный стол. В южных областях страны специальным ритуальным блюдом является *сумолок* – каша из пророщенной пшеницы, а в северных регионах готовили *кожсо*, или *навруз кожсо*.

Резюмируя анализ литературных источников, можно заключить, что этнографические описания фиксируют существование у киргизов как минимум двух моделей празднования прихода весны или нового года. Одна, предположительно более ранняя, называемая Куфтиным «киргиз-казакский Навруз», а в более поздних работах и полевых данных – Жыл ажыраш, имела подвижную дату, связанную, вероятно, с лунно-звездным календарем или феноменологическими признаками весны, и отмечалась ритуальной кашей *кожсо*. Вторая модель («карт-Навруз» у Куфтина, современный Навруз) тяготеет к дате весеннего равноденствия и имеет черты, сходные с земледельческими праздниками соседних народов. Источники также указывают на трансформацию и смешение этих традиций со временем.

НОВЫЙ ГОД И ЕГО ПРИЗНАКИ

Как показал анализ источников, представления о праздновании Нового года у киргизов исторически неоднозначны. В Киргизии действительно существовало два праздника Навруза, о чем прямо сообщает Б.А. Куфтин [Куфтин, 1916, с. 134]. При этом в работах советского периода и некоторых современных исследованиях эти две традиции часто описываются как одна или основное внимание уделяется Наврузу. Это приводит к противоречиям как в определении календарной даты празднования, так и в методике ее нахождения.

Из результатов наших исследований можно сделать вывод, что примерно половина опрошенных помнит праздник киргизского нового года, который называется *Жыл ажыраш*, *Жыл баши* или *Праздник весны*. Хотя объем воспоминаний варьируется, сопоставление полученной информации позволяет реконструировать признаки, характерные для этого праздника.

Начнем с того, что у киргизского Жыл ажыраш не было фиксированной даты, его отмечали в разные дни с начала марта по середину апреля. Начало нового года определялось совокупностью феноменологических признаков: сходит снег, дует теплый ветер, появляется зеленая трава, начинает рожать скот, в небе слышен первый гром. При этом некоторые информанты помнят, что весна начнется не раньше, чем наступит 5-й тогоол (Нар-18, Нар-21, Нар-27, Нар-45, Ош-77) или после его завершения (Нар-47). Если ориентироваться на исправленный вариант календаря Ш. Черекчиева (Нар-19) [Дубова и др., 2024], то получим, что самые ранние возможные даты 5-го тогоола приходятся на конец февраля – начало марта, а через некоторое время отмечается Жыл ажыраш.

После принятия решения о наступлении весны скот начинали отгонять на пастбища (Нар-18), а сам праздник нового года уже отмечали на пастбище (Бат-93). Относительно публичной праздничной обрядности исконного Жыл ажыраш, такой как организация коллективных игр, гуляний, песнопений или специфических ритуалов с огнем (хождение вокруг костра, прыжки через него), воспоминания наших информантов, особенно из северных и центральных регионов, оказались крайне скудными или вовсе отсутствовали. На уточняющие вопросы часто звучали ответы, подчеркивающие скорее семейно-хозяйственный характер события: «игр и праздничных мероприятий не было» (Нар-4), «мы – кочевники, нам некуда идти в гости» (Нар-11). Это заметно отличает реконструируемый облик Жыл ажыраш от классического земледельческого Навруза с его богатой общественной обрядностью. Как будет показано далее, воспоминания об огненных ритуалах (прыжках через костер) действительно существуют, но они локализованы в южных регионах, относятся к середине XX в. и связаны, по свидетельствам самих информантов, с празднованием

Навруза под влиянием соседних народов. Вероятнее всего, какая-то исконная праздничная обрядность у Жыл ажыраш все же существовала, но была, по-видимому, менее выражена, иначе структурирована или хуже сохранилась в народной памяти по сравнению с Наврузом, что и могло привести к ее постепенному забвению или вытеснению.

В праздничном меню киргизского Нового года обязательно присутствует *кожо* – каша на ячмене или пшене с жирным мясом. Кроме нее, делали лепешки и *баурсаки* или *боорсоки* – тесто, жаренное в масле в казане, резали скот и пили *ууз* – свежее коровье молоко (Нар-4, Нар-35, Нар-36, Иск-45, Бат-93).

Наша оценка сроков проведения праздника согласуется с данными Б.А. Куфтина, хотя здесь нужно сделать некоторые уточнения. Во-первых, мы оценили диапазон дат, которые соответствуют наиболее раннему времени наступления 5-го тогоола, но в некоторые годы он может случиться и во второй половине марта, а значит, праздник Жыл ажыраш будет позднее. Во-вторых, решение о времени праздника принимают старейшины (Иск-47) по фактическому состоянию погоды, а привязка к определенному тогоолу означает, что новый год нельзя отмечать слишком рано, даже если установилась теплая погода. В-третьих, Б.А. Куфтин пишет, что киргизы отмечают новый год с Навруза, но отмечают его 15 Навруза, что выглядит немного странным. Однако в нашей схеме это имеет простую интерпретацию. Старейшины, ориентируясь на погоду, принимают решение, что весна наступила, и совершают перекочевку на пастбище, что занимает около двух недель. После перемещения на пастбище отмечали Жыл ажыраш.

Таким образом, на основе анализа источников и наших полевых данных вырисовывается облик традиционного кыргызского весеннего праздника Жыл ажыраш. Для лучшего понимания его специфики целесообразно сравнить его с классической моделью Навруза, характерной для оседлых земледельческих народов региона, например, с традициями, зафиксированными нами в долине реки Ягноб Таджикистана [Гуломшоев и др., 2023].

Если сравнить реконструированный Жыл ажыраш с ягнобским (и шире – таджикским) Наврузом, можно выделить ключевые отличия:

1) Определение даты. Жыл ажыраш определялся по совокупности природных примет и, возможно, положению Луны и Плеяд (тогоол), что давало плавающую дату в рамках весны. Навруз же жестко привязан ко дню весеннего равноденствия, дата которого часто определялась с помощью специальных астрономических наблюдений, как это до сих пор делается в Ягнобе.

2) Ритуальная пища. Характерным маркером Жыл ажыраш является *кожо* – сытная каша из зерна (ячмень, пшено) с жирным мясом. Маркером *Навруза* выступает *сумелек/суманак* – сладкая каша из пророщенной пшеницы, приготовление которой носит общинный ритуальный характер и не включает мяса.

3) Обрядовая насыщенность. Для Навруза характерны ярко выраженные общественные ритуалы – хождение в гости, дарение подарков (отсутствует у кыргызов), уличные представления, катание на качелях (особенно для девушек), разжигание костров и прыжки через них (последнее, по нашим данным, вспоминают на юге Кыргызстана, что может быть влиянием).

4) Ритуалы очищения. Окуривание дымом можжевельника (арчи), хотя и практикуется кыргызами при уборке, не фиксируется как специфический ритуал самого праздника Жыл ажыраш, в отличие от некоторых традиций Навруза.

Таким образом, можно выделить характеристические профили Жыл ажыраш (подвижное начало года, связь с кочевым циклом и скотоводством, ритуальная каша *кожо*, менее выраженная общественная обрядность) и Навруза (фиксированная дата равноденствия, связь с земледельческим циклом, ритуальная каша *сумелек*, богатая общественная обрядность).

НОВЫЙ ГОД И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАДИЦИИ

Рассмотрим современные представления о праздновании Жыл ажыраш и Навруза на территории Киргизии. По характеру знаний об этих двух праздниках, информантов можно разделить на четыре группы.

К первой группе отнесем людей, знания которых соответствуют характеристическому профилю Жыл ажыраш. Они знают о его существовании и считают его исконным киргизским праздником (42 %).

Ко второй группе относятся люди, которые не смогли нам рассказать про Жыл ажыраш, а Навруза у них не было до 1991 г., и у них нейтральное отношение к этому празднику (28 %). Интересно отметить, что есть достаточно многочисленная группа информантов (17 %), члены которой утверждают, что вообще ничего не знали о Наврузе до 1991 г., или узнали о нем до 1991 г. после переезда в другое место. Последний случай характерен для женщин, которые после замужества меняли место жительства.

В третью группу отнесем информантов, которые отмечают праздник нового года в соответствии с профилем традиций Навруза: дата связана с весенним равноденствием, готовят сумелек, устраивают крупный праздник (20 %). Большая часть этих людей утверждает, что они праздновали Навруз в кругу семьи всегда, в том числе при СССР. Киргизский Жыл ажыраш им неизвестен. Представители третьей группы в основном находятся в Ошской и Баткенской областях, которые граничат с Таджикистаном и Узбекистаном, откуда и пришли традиции Навруза. Некоторые жители сами уточняют, что они переняли празднование Навруза у таджиков в середине прошлого века (Ош-67, Бат-91, Бат-92, Бат-93, Бат-102, Бат-103). Сейчас такого нет, но в 1950–1960 гг. люди прыгали через костер (Ош-83, Ош-89, Бат-91, Бат-94, ДжА-111) или только разжигали костры и ходили вокруг них (Бат-95, Бат-105). Отметим, что мы не обнаружили подобные воспоминания у жителей северо-востока страны. С другой стороны, даже в южных областях не прижились «таджикские» традиции дарить на Навруз подарки и ходить в гости.

Для четвертой группы характерно смешение традиций и преемственность праздников от Жыл ажыраш и Навруза (10 %). Они утверждают, что раньше праздник назывался Жыл ажыраш, и его определяли по тогоолам, а сейчас это Навруз и его дата соответствует дню весеннего равноденствия. Раньше делали кожо, а сейчас готовят сумелек, или кожо и сумелек одновременно. Отличие четвертой группы от третьей заключается в том, что представители третьей группы не знают (или делают вид, что не знают) о Жыл ажыраш. Наконец, существуют 2–3 % населения очень религиозных людей, которые отрицают все праздники кроме Курбана и Рамадана. Мы их исключили из статистики.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты анализа, характеризующие представления информантов о празднике нового года, приведены в *табл. 1*, где для каждой территории определены проценты информантов, относящихся к той или иной группе.

Прежде чем приступить к анализу региональных различий на основе *Табл. 1*, необходимо подчеркнуть ограничения, связанные с малым числом информантов в некоторых зонах. В частности, зоны № 8 (Джалал-Абадская обл., N=4), № 9 (Таласская обл., N=5), № 4 (Чуйская обл., N=6) и № 6 (Ошская обл., долина реки Тар, N=8) имеют выборку менее 10 человек. Процентные соотношения для этих зон следует рассматривать как ориентировочные, не позволяющие делать статистически значимых выводов. Тем не менее, мы представим

эти данные, чтобы дать максимально полную картину охвата территории, сопровождая их необходимыми оговорками.

Табл. 1. Распределение информантов по группам в зависимости от территории

Зона	Название	N	Группа, в %			
			1	2	3	4
1	Нарынская область (Баш-Кууганды)	10	60	30	10	0
2	Нарынская область (долина реки Нарын)	27	59	33	8	0
3	Иссык-Кульская область	14	46	36	21	0
4	Чуйская область	6	50	34	16	0
5	Ошская область (Алайская долина)	13	54	23	16	7
6	Ошская область. (долина реки Тар)	8	29	14	57	0
7	Баткенская область	11	28	33	28	18
8	Джалал-Абадская область	4	0	0	0	100
9	Таласская область	5	40	20	20	10

Примечание: N – число информантов, рассказавших про Навруз.

Поскольку изначально Навруз не является киргизским праздником, а пришел из соседних территорий, можно проследить динамику его распространения по регионам Киргизии. В первую очередь обратим внимание, что процентное распределение в группе 2 (информанты, не знающие оба праздника) является на разных территориях примерно одинаковым. При исключении зоны № 8 статистика по которой является недостоверной для анализа, получим оценку среднего значения 28 ± 8 , и в 2 стандартных отклонения попадут все остальные результаты. Получается, «забывание» Жыл ажыраш происходило примерно одинаково, что, впрочем, является вполне ожидаемым результатом. После этого вывода столбец, соответствующей группе 2, может быть исключен из анализа.

Группа 4 сочетает в себе традиции обоих праздников и является наиболее малочисленной. Тем не менее, как и группа 3, в которой принято отмечать Навруз, она располагается в юго-западных регионах страны, и ее представители полностью отсутствуют на северо-востоке. Поскольку нашей задачей является исследование распространения Навруза, а представители группы 4 его знают, то мы объединим группы 3 и 4 в одну. В результате, если исследовать замещение Жыл ажыраш Наврузом мы можем рассмотреть объединенные значения групп 3 и 4, а если изучать сохранность Жыл ажыраш, то достаточно одной группы 1. Поэтому, наш анализ будет построен на анализе коэффициента k_1^5 , который описывает эту группу.

Самую высокую сохранность праздника Жыл ажыраш демонстрируют зоны № 1, № 2 ($k_1 \approx 60$), относящиеся к Нарынской области. Объединим их в один кластер. Чуть меньшая степень сохранности ($k_1 \approx 50$) Жыл ажыраш наблюдается в зонах № 3, № 4 и № 5, поэтому их

⁵ Метод расчета показателя k_1 , характеризующий уровень народных астрономических знаний в любой группе, разработан на основании полевых материалов, собранных в Таджикистане (апробирован на выборке в 177 человек) [Дубова, Никифоров, 2024].

тоже можно объединить в один кластер. Хуже всего знания о киргизском новом годе сохранились в зонах № 6 и № 7 ($k_1 \approx 30$), которые соответствуют Ошской и Баткенской областям, а поэтому, их тоже можно объединить. Промежуточное значение сохранности Жыл ажыраш ($k_1 \approx 40$ % при $N=5$) наблюдается в Таласской области (зона № 9). Хотя выборка здесь также мала, полученное значение позиционирует этот регион как возможную переходную зону между юго-западными и северо-восточными традициями, что географически оправдано. Это предположение также может быть уточнено на большем материале.

Особого внимания требует зона № 8 (Джалал-Абадская обл.), где все 4 информанта попали в группу 4, которой соответствуют смешанные традиции. Из-за крайне малого объема выборки ($N=4$) этот результат (100 %) не может считаться статистически надежным и не позволяет сформировать отдельный устойчивый кластер или уверенно объединить его с другими. Однако, даже если предположить наличие информантов с другими мнениями, общая тенденция, по-видимому, все же указывает на значительное распространение и адаптацию Навруза в этом регионе, что согласуется с картиной в соседних юго-западных регионах (зонах № 6 и № 7). Поэтому, мы предполагаем, что эту зону можно рассматривать как тяготеющую к общему юго-западному ареалу распространения Навруза. Эти результаты удобно представить на сетевом графе (рис. 1)⁶, который ранее уже был использован нами для анализа распределения народных астрономических знаний [Дубова и др., 2026]. Если в том случае граф служил для выявления устойчивых кластеров, соответствующих скотоводческому и земледельческому типам хозяйства, то здесь он выступает моделью культурной диффузии, позволяя проследить, как происходило распространение Навруза на территории Киргизии. Тем самым один и тот же каркас связей между регионами работает в двух режимах: классификации традиций и моделирования их замещения в применении к задаче кластеризации.

Наибольшему воздействию подверглись юго-западные земледельческие регионы (зоны № 6, № 7 и № 8), которые граничат с Ферганской долиной. При этом распространение новой традиции в Алайской долине (зона № 5) оказалось существенно ниже, чем в соседних с ней регионах. Это может быть объяснено двумя факторами – формой хозяйства и географическим положением. Алайская долина является высокогорным регионом, с продолжительным снежным периодом и прохладным летом. Поэтому климатическое правило определения начала нового года здесь подходит лучше, чем привязка к фиксированной дате весеннего равноденствия, когда земля еще может долгое время находиться под снегом. В силу сурового климата в этом регионе доминирующей формой хозяйства является скотоводство. Праздник Навруз в большей степени является земледельческим, и его культурный код воспринимается хуже в среде скотоводов.

При движении по ребрам графа в северо-восточные регионы наблюдается постепенное снижение влияние Навруза и в Нарынской области (зоны № 1 и № 2), где его влияние является наименьшим. Эта закономерность тоже объясняется географически. Праздничные традиции можно рассматривать как информацию, а информация распространяется по ребрам графа, которым соответствуют крупные автомагистрали. Прямой связи Нарынской области с юго-западными регионами нет, поэтому на графе мы наблюдаем плавное уменьшение влияние Навруза.

Подводя итог, рассмотрим возможные причины, по которым в Кыргызстане исконный праздник Жыл ажыраш постепенно замещается или вытесняется Наврузом. Представляется, что здесь действует комплекс взаимосвязанных факторов, делающих этот процесс многогранным. С одной стороны, поскольку оба праздника связаны с идеей обновления природы и встречи нового года, Навруз не воспринимается как нечто абсолютно чужеродное.

⁶ Рис. 1 см. на цветной вклейке.

Кроме того, сыграло свою роль официальное признание праздника со стороны властей. Указ президента Киргизской ССР А.А. Акаева 1991 г. о праздновании именно Навруза задал определенный вектор, повлияв на общественное сознание, систему образования и организацию официальных торжеств, особенно для поколений, выросших после распада СССР.

Однако корни трансформации уходят глубже. Во-первых, практические и содержательные аспекты делают Навруз более «удобным» для современного общества. Его фиксированная дата (день весеннего равноденствия) легко вписывается в государственный календарь и ритм жизни, в отличие от плавающей даты Жыл ажыраш. Кроме того, Навруз обладает более разработанным, широко известным и легко воспроизводимым ритуальным комплексом, который проще заимствовать и адаптировать, чем менее формализованную и, как показывают наши данные, хуже сохранившуюся в памяти обрядность Жыл ажыраш.

Во-вторых, важен исторический и социокультурный контекст. Наследие советского периода с его политикой атеизма, унификации и ослаблением многих традиционных практик могло привести к частичному забвению или ослаблению Жыл ажыраш. Образовавшийся после распада СССР вакуум в сфере этнической праздничной культуры стал заполняться в том числе и Наврузом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило сложный и динамичный характер новогодней обрядности кыргызов, характеризующийся историческим сосуществованием и современной трансформацией двух ключевых традиций – автохтонного праздника Жыл ажыраш и заимствованного Навруза. Анализ полевых материалов, собранных в 2023–2024 гг. на всей территории Кыргызстана, показал, что тенденция вытеснения первой традиции второй, обозначенная в названии статьи как «ускользающий Жыл ажыраш», действительно является одной из доминирующих, но при этом имеет ярко выраженную и ранее недостаточно изученную региональную специфику.

Исследование позволило реконструировать основные черты традиционного Жыл ажыраш, связанные с кочевым скотоводческим укладом: плавающая дата, определяемая по феноменологическим признакам весны и по лунно-звездному календарю на основе того-олов, ритуальная каша кожо с мясом, менее выраженная (в сохранившихся воспоминаниях) общественная обрядность. Ему противостоит модель Навруза, тяготеющая к фиксированной дате весеннего равноденствия, ритуальной каше сумелек (на юге) и более развитым общественным формам празднования, характерным для земледельческих культур региона.

Центральным выводом работы является выявление четких региональных различий в современном соотношении этих традиций. Наибольшая степень сохранности знаний и практик, связанных с Жыл ажыраш (около 60 % информантов), зафиксирована в Нарынской области (зоны № 1–2). Несколько ниже, но все еще значительна (около 50 %) она в Иссык-Кульской, Чуйской областях и высокогорной Алайской долине Ошской области (зоны № 3–5). Напротив, в юго-западных регионах, граничащих с Ферганской долиной (Баткенская область, равнинная часть Ошской области и, по предварительным данным, Джалал-Абадская область – зоны № 6–8), доминирует традиция Навруза, часто осознаваемая как заимствованная, а знания о Жыл ажыраш сохраняются лишь у 30 % и менее опрошенных. Таласская область (зона № 9) занимает промежуточное положение. Особый случай Алайской долины, демонстрирующей высокую сохранность Жыл ажыраш вопреки географической близости к южным центрам влияния Навруза, подтверждает гипотезу о связи типа праздника с формой хозяйствования (скотоводство) и климатическими условиями.

Анализ факторов трансформации показал, что вытеснение Жыл ажыраш Наврузом обусловлено комплексом причин. Среди них официальная государственная поддержка Навруза с 1991 г., практическое удобство фиксированной даты для современного уклада жизни, наличие у Навруза более разработанного и широко известного ритуального комплекса, историческое влияние соседних земледельческих культур (особенно на юге), общее ослабление многих автохтонных традиций в советский период и процессы постсоветского культурного строительства, в рамках которых международно признанный Навруз оказался более востребованным символом обновления и культурной идентичности.

Таким образом, изучение динамики Жыл ажыраш и Навруза выходит за рамки простого описания праздников. Оно служит показательным примером более широких процессов культурной трансформации в Кыргызстане, включая взаимодействие кочевнических и оседлых традиций, адаптацию заимствований, влияние глобализации и региональных культурных трендов, а также конструирование национальной идентичности в современную эпоху. Полученные результаты по новогоднему комплексу традиций ставят вопрос о необходимости аналогичного детального регионального анализа других элементов традиционной праздничной культуры кыргызов, что станет предметом дальнейших исследований.

Приложение 1. Список информаторов из Киргизии

<i>№</i>	<i>Фамилия, имя</i>	<i>Год рождения</i>	<i>Место</i>
Нар-4	Сыдыкова Осуя	1939	Баш-Кууганды
Нар-11	Абдылдаев Эсенгелди	1960	Баш-Кууганды
Нар-18	Мусуров Машыраалы	1943	Эки-Нарын
Нар-19	Черекчиев Шаршенаалы	1945	Эки-Нарын
Нар-21	Курманалиев Толобек	1963	Таш-Башат
Нар-27	Кокоева Ырыскан	1939	Кара-Булун
Нар-35	Казыбаева Бурул	1941	Нарын
Нар-36	Касмалиева Аида Чотоевна	1975	Нарын
Иск-45	Кудайбердиев Айдар	1950	Саруу
Иск-47	Турдукожоева Шекер	1930	Саруу
Ош-67	Кадыров Искандер	1943	Гульча
Ош-77	Абыджамилов Бегаали Талипович	1958	Дарот-Коргон
Ош-83	Балтабаев Секет	1935	Токбай-Талаа
Ош-89	Шайбылдаев Маматкадыр	1955	Кондук
Бат-91	Насиров Майдун	1940	Кулунду
Бат-92	Абдуллаева Гулаим Абдуллатиповна	1966	Интернаццион.
Бат-93	Шукуров Мамасаали	1951	Катран
Бат-94	Токтоназаров Абдурасил	1952	Коргон
Бат-95	Алымкулова Санвар	1949	Тогуз-Булак
Бат-103	Кошназарова Булакат	1956	Ак-Татыр
Бат-105	Абдрахманов Гыламин	1951	Баткен
Джа-111	Дыкымбаев Нурдинаалы	1953	Лесхоз

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абрамзон С.М. *Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи*. Фрунзе: Кыргызстан, 1990 [Abramzon S.M. *Kyrgyz People and Their Ethnogenetic, Historical and Cultural Ties*. Frunze: Kyrgyzstan, 1990 (in Russian)].

Баялиева Т.Дж. Религиозные пережитки у киргизов и их преодоление. Фрунзе: Илим, 1981 [Bayalieva T.J. *Religious Vestiges among the Kyrgyz and Ways to Overcome Them*. Frunze: Ilim, 1981 (in Russian)].

Гуломшоев С.А., Дубова Н.А., Никифоров М.Г., Полякова М.К. Календарно-астрономические представления жителей долины реки Ягноб. *Восток (Oriens)*. 2023. № 3. С. 60–73 [Gulomshoev S.A., Dubova N.A., Nikiforov M.G., Polyakova M.K. Calendar and Astronomical Knowledge of the Inhabitants of the Yaghnob River Valley. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 3. Pp. 60–73 (in Russian)].

Дубова Н.А., Кадырбекова Т.К., Никифоров М.Г. Звездный календарь киргизов. Вестник антропологии. 2024. № 2. С. 246–262 [Dubova N.A., Kadyrbekova T.K., Nikiforov M.G. Kyrgyz Star Calendar. *Herald of Anthropology*. 2024. No. 2. Pp. 246–262 (in Russian)].

Дубова Н.А., Кадырбекова Т.К., Никифоров М.Г. Народные представления кыргызов. Звездное небо. Вестник антропологии. 2026 (в печати) [Dubova N.A., Kadyrbekova T.K., Nikiforov M.G. Kyrgyz Folk Views. The Starry Sky. *Herald of Anthropology*. 2026. (in print) (in Russian)].

Дубова Н.А., Никифоров М.Г. Пространственное моделирование сохранности народных астрономических знаний жителей Таджикистана. *Этнографическое обозрение*. 2024. № 4. С. 123–139 [Dubova N.A., Nikiforov M.G. Spatial modeling of the folk astronomical knowledge among the residents of Tajikistan. *Etnograficheskoe obozrenie (= Ethnographic Review)*. 2024. No. 4. Pp. 123–139 (in Russian)].

Жапаров А.З., Ибраев К.Ш. Календарные праздники и обряды. *Кыргызы (Серия Народы и культуры)*. Отв. ред. А.А. Асанканов, О.И. Брусина, А.З. Жапаров. М.: Наука, 2016. С. 357–366 [Japarov A.Z., Ibraev K.Sh. Calendar holidays and rituals. *The Kyrgyz (Peoples and Cultures series)*. A.A. Asankanov, O.I. Brusina, A.Z. Japarov (eds.) Moscow: Nauka, 2016. Pp. 357–366 (in Russian)].

Колганова Г.Ю., Никифоров М.Г. К вопросу о счете времени в Средней Азии. Восток (Oriens). 2016. № 6. С. 7–17 [Kolganova G.Yu., Nickiforov M.G. Notes on the Question of Account of Time in Central Asia. *Vostok (Oriens)*. 2016. No. 6. Pp. 7–17 (in Russian)].

Куфтин Б.А. Календарь и первобытная история киргизь-казацкого народа. *Этнографическое обозрение*. 1916. № 3–4. С. 123–150 [Kuftin B.A. Calendar and the Primitive History of the Kyrgyz-Cossack people. *Etnograficheskoe obozrenie (= Ethnographic Review)*. 1916. No. 3–4. Pp. 123–150 (in Russian)].

Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. Под. ред. С.П. Толстова, Т.А. Жданко, С.М. Абрамзона, Н.А. Кислякова. М.: Наука, 1963 [Peoples of Central Asia and Kazakhstan. Vol. II. S.P. Tolstov, T.A. Zhdanko, S.M. Abramzon, N.A. Kislyakov (eds.) Moscow: Nauka, 1963 (in Russian)].

Ысманова К. *Муундар мурасы – соз*. Бишкек: Принт Экспресс, 2018 [Ysmanova K. *Inheritance of the Generation*. Bishkek: Print Express, 2018 (in Kyrgyz)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ДУБОВА Надежда Анатольевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия.

КАДЫРБЕКОВА Толкунай Кадырбековна – стажер-исследователь Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия.

НИКИФОРОВ Михаил Геннадьевич – кандидат физико-математических наук, доцент Московского Государственного Лингвистического Университета, Москва, Россия.

Nadezhda A. DUBOVA, DSc (History), Chief Research Fellow, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Tolkunay K. KADYRBKOVNA, Trainee Researcher, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Mikhail G. NICKIFOROV, PhD (Physics and Mathematics), Associated Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

Иллюстрация к статье Н.А. Дубовой, Т.К. Кадырбековой, М.Г. Никифорова

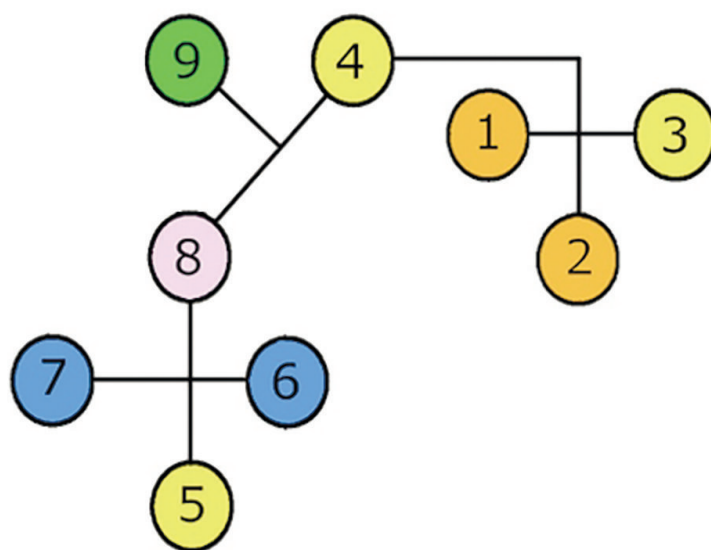

Рис. 1. Сетевой граф, демонстрирующий выявленные тенденции замещения Жыл ажираш Наврузом по зонам Кыргызстана. Нумерацию зон – см. Табл. 1. Легенда: оранжевый – $k_1 \approx 60$, желтый – $k_1 \approx 50$, зеленый – $k_1 \approx 40$, синий – $k_1 \approx 30$, фиолетовый – не определен

Fig. 1. Network graph demonstrating the identified trends in the substitution of Zhyl Azhyrash for Navruz by zones of Kyrgyzstan. For zone numbering, see Table 1. Legend: orange – $k_1 \approx 60$, yellow – $k_1 \approx 50$, green – $k_1 \approx 40$, blue – $k_1 \approx 30$, purple – unspecified